

ПРОФЕССИЯ

НЕЛЛИ ГОРЕСЛАВСКАЯ

АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ
ГРОМЫКО

**ОШИБКА
«МИСТЕРА НЕТ»**

Москва

издательство

РОДИНА

2024

УДК 82-94
ББК 61.6
Г 67

Фото из архива семьи А. А. Громыко

Гореславская Н.Б.

Г 67 Андрей Громыко. Ошибка Мистера Нет. — М.: Родина, 2024. — 272 с.: илл. — (Профессия).

ISBN 978-5-00180-613-4

Полвека работал Андрей Громыко в ЦК КПСС, пережив шестерых генеральных секретарей. Самый долговременный министр иностранных дел советского государства (1957 – 1985 гг.), он был уважаем как в родной стране, так и за рубежом. И хотя западные политики и журналисты называли его неуступчивым «мистером Нет», они же утверждали, что именно Громыко «возможно, является самым информированным министром иностранных дел в мире». С его мнением считались Уинстон Черчилль и Шарль де Голль...

Однако к концу своей жизни, уже выброшенный из большой политики, Андрей Андреевич признается в своей роковой ошибке: в переломном для СССР 1985-м именно с его подачи был выдвинут в генсеки Михаил Горбачев, с именем которого в отечественной истории связан развал Советского Союза.

**УДК 82-94
ББК 61.6**

© Гореславская Н.Б., 2024
ISBN 978-5-00180-613-4 © ООО «Издательство Родина», 2024

Внешняя политика — это продолжение внутренней. Страна не может быть сильнее за рубежом, чем у себя дома...

Вашингтон с более слабыми, чем он, на равных не разговаривает.

А.А. Громыко

ЗАГАДКА ВЕКА?

Вспоминая минувшую эпоху и сравнивая ее с днем сегодняшним, вдруг понимаешь, что тогда мы совсем не интересовались политикой. Тем более не интересовались мы ею во времена беспечной студенческой юности. Несмотря на то, что были мы все-таки студентами «самого идеологического», как любили напоминать нам наши преподаватели, факультета — журналистики. Опять же только теперь понимаешь, что это верный признак благополучных времен.

Если же иногда разговор о политике все же заходил, мы обычно приходили, в конце концов, к выводу, что внешняя политика у нас вполне разумная и правильная — разрядка международной напряженности, мирное сосуществование, разоружение... а вот внутренняя не очень. Хотя, в общем-то, нам, студентам главного и лучшего по общему убеждению университета страны, грех было жаловаться — ведь именно благодаря этой политике мы, провинциальные мальчишки и девчонки, и попали сюда, в столицу, в величественный храм знаний на Ленинских Горах. И досаждала она нам немного: ни акций, ни пикетов, ни политических демонстраций, как сейчас у каких-нибудь «Наших», ни комсомольских собраний с идеологической тематикой — ничего не было. А если и было, то

в малых и мало затрагивавших нас формах. Даже в праздничных демонстрациях на очередную годовщину Октября или Первомай участвовать нас, иногородних студентов, не заставляли — считалось, что мы на эти праздники разъезжаемся по домам повидаться с родителями. Да и не всегда разъезжались.

Однажды мы даже сами то ли на четвертом, то ли на пятом курсе решили поучаствовать ради интереса в первомайской демонстрации, тем более что погода стояла прекрасная. Наша студенческая колонна оказалась тогда по соседству с колонной рабочих, кажется с «Трехгорки». У них был баян, легкое вино, которым они нас радушно угощали, и праздничное веселье с песнями, плясками и частушками, прямо на подходе к Красной площади. Это праздничное, радостное настроение тут же передалось и нам, заставив нас, уже ироничных, зараженных скепсисом по отношению к нашей власти и ее партийным вождям, ощутить себя частью своего народа — отзывчивого, хлебосольного, добродушного, размашисто-веселого и в то же время наполненного какой-то уверенной силой. И мы вдруг тоже прониклись ею, этой мощной внутренней силой, которая исходила от праздничной, нарядной первомайской колонны, и неожиданно для себя, в приливе радостной эйфории, размахивая букетами сирени и почему-то радостно вопя «Ура!» вполне еще бодрому Леониду Ильичу со товарищи, стоящими на мавзолее, весело побежали по Красной площади. Потом нам стало даже неудобно за это «Ура!» и эту непонятную радостную эйфорию, но воспоминание о ней и том чувстве общего праздника, той общности и сопричастности со страной и народом, которое испытали мы в тот далекий Первомай, осталось в памяти навсегда.

Поняли ли мы, что такое чувство тоже есть результат политики? Той самой внутренней политики, которая вызывала у нас отторжение? В общем-то, поняли и поста-

вили про себя этой политике маленький плюс, не забывая, однако, о ее минусах. Таких, например, как совершенно излишнее количество досаждавших нам вполне бессмысленных идеологических дисциплин, вроде «Теории и практики партийно-советской печати» или «Марксистско-ленинского учения о печати», которые мы, спихнув на очередной сессии, тут же с облегчением выбрасывали из головы. Таких, как очереди за всяким дефицитом, вроде финских сапог, или отсутствие модных и красивых вещей, которых нельзя было свободно купить в магазинах даже в Москве, не говоря уж о провинции. В общем, бытовых неурядиц, заставлявших нас критически относиться к нашей внутренней политике, хватало.

Нам ведь тогда, в благополучные 70-е, и в голову не приходило, что скоро все будет иначе. И главный университет страны, проходящий по разряду элитных учебных заведений, станет для таких, как мы, практически недоступным. Как и многое другое, чем заполнились теперь сияющие роскошные витрины. Были бы деньги... Но вот они-то и стали для подавляющего большинства граждан страны самым главным дефицитом.

Но тогда о подобных изменениях и в страшном сне не могло присниться. Поэтому, критически относясь к реалиям нашей советской жизни, мы с гораздо большим удовлетворением относились к внешней политике государства, там минусов мы не видели — в самом деле, у кого из нормальных людей может вызвать отторжение борьба за мир? И человек, неуклонно проводивший эту политику, вызывал уважение: интеллигентный мужчина со строгим, неулыбчивым лицом — Андрей Андреевич Громыко, которого, как мы знали, за его высокий профессионализм уважали не только мы, но и все зарубежные партнеры.

Сколько раз за последнее постперестроечное двадцатилетие, когда наша страна (вернее, те, кто стоял у власти) сдавали все и вся — то, что сдавать было, как мы думали,

нельзя никогда и ни при каких обстоятельствах, вспоминался он, наш самый долговременный министр иностранных дел, жесткий, неуступчивый «Мистер НЕТ» советской внешней политики! Казалось, будь он, Андрей Андреевич Громыко, сейчас, сегодня в МИДе, не потеряли бы мы наши военные базы на Кубе и в Камрани, не лишились бы островов, нефтеносных шельфов, кусков территории вместе с ее гражданами, не теряли бы наших союзников и даже соотечественников, в одно мгновение вдруг ставших чужими нам и изгоями там, где они, волею судеб и политики государства, в свое время оказались.

Однако в не столь еще далеком по времени, но эпохальном по изменениям в жизни страны 1985 году именно он, Андрей Андреевич Громыко, верный ленинец и, как считалось, твердокаменный коммунист, выдвинул в генсеки Горбачева, столкнувшего СССР в хаос перестройки. Перестройки, разрушившей все, что они, коммунисты-ленинцы, так долго строили, опустившей страну и народ (в отличие от элиты!) в пучину бедствий и страданий, разрухи и межнациональных кровавых разборок и приведшей, в конечном итоге, к построению на месте великой державы с принципом социальной справедливости в основе ее Конституции — постыдного криминального государства с неслыханным разрывом в доходах его граждан, ставшего сырьевым придатком Запада. Перестройки, разрушившей не только нашу страну, но и весь мировой порядок, установившийся после Второй мировой войны, то хрупкое равновесие, удерживающее землю от ядерного апокалипсиса, сохранению которого дипломат и министр иностранных дел СССР Андрей Громыко посвятил всю свою жизнь.

Между тем к 1985 году СССР, по общему мнению, достиг на мировой арене максимального влияния. И даже американский президент Рональд Рейган после переговоров с Громыко сделал сенсационное заявление: «Со-

единенные Штаты уважают статус Советского Союза как сверхдержавы, и у нас нет желания изменить его социальную систему».

У США такого желания не было, а у нашей властной элиты оно вдруг появилось. Или не вдруг. Как бы то ни было, после смерти предпоследнего генсека Константина Черненко Андрей Громыко вдруг изменил своему постоянному принципу «оставаться вне партсхватки».

Как он потом объяснял: «Я не просто выступил на заседании Политбюро, а сразу же после его открытия, не раздумывая ни секунды, встал и сказал: «Предлагаю Генеральным секретарем ЦК КПСС избрать Михаила Сергеевича Горбачева». Весь смысл моего выступления сводился к тому, что другой приемлемой кандидатуры у нас нет. Меня первым поддержал Чебриков. Никакой полемики или дискуссии у нас не было. Политбюро единогласно проголосовало за Горбачева».

Вот так он сам, своими руками воздвиг на пьедестал высшей власти того, который результаты дела всей его жизни уничтожил, разнес в прах, в пыль, а стало быть, уничтожил, обесценил, приравнял к нулю и саму жизнь, ее главный смысл. А потом, добившись желаемого, выбросил из политики, из жизни государства как ненужную вещь, как лишнюю обузу и самого Андрея Андреевича, отправив его на пенсию.

Почему же это произошло? Неужели искушенный политик и дипломат Громыко, на которого с опаской смотрели во время переговоров такие зубры международной политики, как Киссинджер и Бжезинский, с мнением которого считались такие лидеры запада, как Черчилль и де Голль, не видел и не понимал, кого он выдвигает на высший пост государства? Мог ли он настолько плохо разбираться в людях, что, лишь оказавшись за бортом государственной власти, увидел истинную суть своего выдвиженца и позволил себе сказать сыну о нем: «Не по Сеньке

шапка»? А до того заученно повторял навязчивые горбачевские мантры о «новом мышлении», гласности и демократии и даже заявлял, что «у нас сложилось руководство, достойное великих задач, вставших перед страной на новом переломном этапе развития советского общества и на новом этапе развития международной обстановки». И неужели действительно не было «другой приемлемой кандидатуры», которая сумела бы и необходимые изменения произвести, и страну не разрушить вместе со сложившимся в ней строем? Или все же, говоря о социализме «с человеческим лицом», было задумано этот строй разрушить, а страна пала жертвой?

Поистине загадка века. Вот только ответ на нее Громыко уже не даст. Его не стало 2 июля 1989 года, буквально за несколько дней до восьмидесятилетия. Нынче, в 2009-м, ему исполнилось бы сто лет. Разве не повод вспомнить одного из самых главных политических деятелей нашей внешней политики и попытаться разгадать загадку его поведения, которая столь роковым образом повлияла на историю не только великой страны, но и на весь ход мировых событий?